

Романтика
XIX Века

Племянница лесника Эльза стала доброй подругой хозяйки поместья Елены и предметом искреннего обожания ее брата Рудольфа. Но он не может позволить себе жениться на простолюдинке. А родовитый ловелас Гольфельд, напротив, стремится любой ценой завладеть Эльзой, хотя у нее нет ни громкого имени, ни богатого наследства. Или в прошлом ее семьи есть тайна, которая дороже золота? Девушка должна разгадать ее. Только тогда она найдет свою любовь...

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-6060-3

9 786171 260603

Евгения Марлитт
Златокудрая Эльза

Романтика
XIX Века

Евгения Марлитт
Златокудрая
Эльза

Louannmuka
XIX *Beka*

Евгения Мармитт

Златокудрая Эльза

Роман

ХАРЬКОВ КЛУБ
2019 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.112.2
М28

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Печатается по изданию:

Марлитт Евгения. Брак по расчету. Златокудрая Эльза :
романы / Евгения Марлитт ; худож. А. Семякин. — Харьков :
Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород :
ООО «Книжный клуб «Клуб семейного досуга», 2013. — 592 с. : ил.

Дизайн обложки *агентства Тим+*

В оформлении обложки использована картина
Маркуса Стоуна «Любовные грезы»

ISBN 978-617-12-6123-5 (серия)
ISBN 978-617-12-6060-3

- © ТИМ+, художественное оформление, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2019

ГЛАВА 1

В течение всего дня непрерывно валил снег, покрывший крыши и подоконники толстым, безупречно чистым слоем. Поднявшаяся с наступлением вечера метель гнала кружившиеся хлопья и с яростью налетала на мирную стаю голубей. Однако погода, в которую, как говорится, хороший хозяин и собаки не выгонит из дома, не отразилась заметно на уличном движении столичного города Б. между шестью и семью часами вечера.

Газовые фонари горели, а экипажи выезжали из-за углов с такой скоростью, что пешеходы должны были опасаться за свою жизнь и, желая ее сохранить, совершали скачки к стенам домов. Град крепких словечек сыпался вслед кучеру и экипажу, сквозь неплотно закрытые занавески которого виднелись украшенные цветами прически дам, утопавших в волнах тонкого газа, шелка и не подозревавших, какие «лестные» пожелания осыпали и их изящные головки. В окнах магазинов, отбрасывающих яркий свет, виднелись завитые манекены с темными или светлыми шевелюрами, которые способны внушить зависть дикарю — собирателю вражеских скальпов; прилежно работающие часовщики; улыбающиеся лица; руки, перебирающие великолепные ткани и наряды. Искусственные цветы в гирляндах и букетах соседствовали с живыми цветами, служившими моделью для них.

Из переулка на одну из главных улиц вышла упругим и легким шагом женщина. Поношенное пальто плотно облегло стройную фигуру, она крепко прижимала к груди старую муфту, придерживая свесившиеся концы вуали, из-под которой поблескивала молодым задором пара голубых глаз. Они весело смотрели на пелену снега, с удовольствием останавливались на розах и темных фиалках в витринах магазинов и только тогда прятались в тени густых ресниц, когда среди снежных хлопьев неожиданно попадалась колючая градинка. Кому приходилось когда-либо слышать, как женские руки начинают бойко играть на рояле знакомую мелодию, но тотчас же фальшивят, берут всевозможные ноты, кроме тех, которые нужны в настоящую минуту, затем быстро мчатся дальше, вставляя или пропуская несколько легких тактов; чей слух подвергался подобным пыткам — тот легко может понять, с каким наслаждением девушка, только что дававшая в гимназии урок музыки, подставляла снежным хлопьям и свежему ветру свое разгоряченное лицо.

Пока она легко и быстро пробирается сквозь плотную толпу, я хочу немного познакомить читателей с ее прошлым.

Вольф фон Гнадевиц был последним представителем славного рода, ведущего свое начало с того доброго старого времени, когда проезжавшие по дорогам купцы подвергались нападениям рыцарей и отдавали свои дорогие ткани и прочие товары в обмен на жизнь. К тем временам относится и колесо на гербе Гнадевицев, на котором испустил свой

геройский дух один из предков, следовавший рыцарскому правилу присвоения чужого имущества, и проливший потому слишком много неблагородной купеческой крови.

Это была большая несправедливость, всколыхнувшая все дворянство страны, так как обычно колесовали людей низкого происхождения. Тем более что «мученик» проливал только кровь торговцев и ремесленников, а она стоила дешевле воды. Итак, герой-разбойник не оставил темного пятна на своем генеалогическом древе, а его семья даже с какой-то бравадой включила в свой герб колесо, им облагороженое.

Фон Гнадевиц, последний отпрыск своего рода, камергер при княжеском дворе X., был кавалером многих орденов, обладателем нескольких имений и тех свойств характера, которые, по его мнению, были присущи лицам аристократического происхождения и которые он называл благородными потому, что пониманию простого смертного — при его узких взглядах на мораль, обусловленных давлением условий жизни и нравов, — были недоступны неподражаемая грация и изящество порока.

Вольф фон Гнадевиц, который, подобно своему деду, очень любил роскошь, покинул замок в горах Тюрингии, служивший колыбелью его рода, и выстроил себе в долине совершенно сказочный дворец в итальянском стиле. Вскоре внук совсем забросил замок на горе, но значительно расширил и украсил свой большой дворец в долине. Казалось, Вольф фон Гнадевиц ни минуты не сомневался в том, что его род будет продолжаться до Страшного суда: ведь для того,

чтобы заселить все вновь возведенные пристройки дворца, старое генеалогическое древо Гнадевицев должно было дать бесчисленное количество новых побегов.

Однако судьба распорядилась иначе. У Вольфа был сын Ганс, который уже к двадцати годам стал таким истым фон Гнадевицем, что даже предок, прибавивший к фамильному гербу колесо, казался блеклым по сравнению с ним. Однажды во время охоты молодой дворянин нанес одному из загонщиков страшный удар хлыстом только за то, что тот нечаянно отдал ногой любимой хозяйской собаке. Какое-то время спустя Ганс фон Гнадевиц был найден на дубе в лесу с веревкой на шее. Избитый загонщик заплатил за это жизнью, но сия мера не воскресила последнего Гнадевица — и славный род угасал.

После этого страшного происшествия Вольф фон Гнадевиц немедленно покинул свой роскошный особняк в долине и перебрался в Силезию, в одно из своих многочисленных имений. Он решил взять в свой дом дальнюю родственницу по боковой линии для того, чтобы та заботилась о нем. Однако оказалось, что эта родственница — прелестная молодая особа. При виде этой девушки старик забыл о цели ее приезда и решил, что его шестидесятилетний стан еще достаточно строен для того, чтобы облачиться в свадебный фрак. Однако, к его глубочайшему негодованию, выяснилось, что наступили времена, когда даже Гнадевиц может получить отказ. Он пришел в ярость, когда девушка созналась ему, что, совершенно забыв о своем высоком положении, отдала сердце молодому офицеру не-

дворянского происхождения, сыну одного из лесничих фон Гнадевица.

У молодого офицера Фербера не было ничего, кроме сабли и стройной фигуры. Тем не менее, он был очень образован и обходителен, к тому же обладал прекрасным характером. Когда после признания Вольф фон Гнадевиц оттолкнул от себя прелестную Марию, молодой Фербер женился на ней. В первые десять лет своего брака он не согласился бы поменяться местами ни с одним королем, но тут наступил 1814 год, принесший с собой тяжелые испытания и совершивший полный переворот в его жизни. Для Фербера наступил критический момент, когда ему пришлось выбирать между двумя чувствами: первое еще с колыбели внушалось ему отцом и побуждало любить ближнего своего как самого себя, а прежде всего своих соотечественников; второе же было чувством долга, и оно повелевало ему взяться за оружие.

В этой тяжелой борьбе победило первое. Фербер не пошел против своих братьев — и эта победа стоила ему карьеры и лишила обеспеченного положения. Он ушел в отставку. Вскоре после этого простуда уложила его в постель, и подняться он смог лишь спустя несколько лет. Потом бывший офицер с семьей переехал в Б., где получил сносное место бухгалтера в одной крупной торговой фирме, и как раз вовремя, так как капиталец жены сгинул при банкротстве банка и только неоднократная денежная помощь старшего и единственного брата Фербера, служившего лесничим в тюрингенском лесничестве, спасала несчастную семью от крайней нужды.

К сожалению, и такое благополучие продолжалось недолго. Начальник Фербера был очень набожным человеком и старался наставлять на путь истинный всех подчиненных. Фербер также не избежал этого, однако в его случае усердие Гагена — так звали владельца фирмы — встретило решительный отпор. По правде говоря, отпор этот не был агрессивным и основывался на глубоких научных знаниях, однако же он страшно возбудил набожную душу купца. Мысль о том, что он дает хлеб вольнодумцу и тем способствует гибели царства Божия, не давала Гагену покоя, пока он, наконец, не избавился от этой тяжести, написав приказ об увольнении Фербера — выгнав заблудшую овцу из своего стада.

К этому времени Вольф фон Гнадевиц уже отправился к праотцам, а поскольку он строго придерживался правила своих предков никогда не оставлять ни одной обиды неотмщенной, до того составил справедливое завещание, написанное им собственноручно. Согласно этому завещанию, ставшему подтверждением его родовой последовательности, дальний родственник его жены становился наследником всего имущества. Заканчивался документ следующими словами:

«Вследствие того, что Анна-Мария Фербер, урожденная фон Гнадевиц, имеет неоспоримые права на наследство, я завещаю ей замок Гнадек в Тюрингии. Анна-Мария не может не признать, что я совершаю благодеяние, оставляя ей приют, являющийся свидетельством благородства нашего рода, к которому она также принадлежит. Зная хорошо, что в этом замке

всегда царили счастье и благоденствие, и обстоятельно взвесив сей неоспоримый факт, я нахожу излишним присоединять еще что-либо к этому подарку.

Если же она не сумеет оценить мой дар и пожелает продать его, то она тотчас же лишится своих прав на замок, который тогда перейдет в собственность сиротского дома в Л.».

Это завещание, составленное Вольфом фон Гнадевицем на смертном одре, было самой язвительной насмешкой.

Ни Фербер, ни жена его никогда не видели этого старинного замка, но им, как и всем, было известно, что он представляет собой груду развалин, которых в течение последних пятидесяти лет не касалась рука человека.

Вся домашняя утварь, панели и даже медные крыши с главных строений были сняты и перевезены в новый особняк в долине еще в самом начале его постройки. С тех пор тяжелые запоры и висячие замки на громадных дубовых воротах запылились и заржавели, столетние деревья спокойно росли около серых зданий, и скоро покинутый замок, скрывавшийся за густыми кронами, стал походить на древнюю мумию в гробу.

Счастливый наследник имущества фон Гнадевица, которому это владение среди леса было совершенно ни к чему, охотно продал бы старый замок за хорошую цену, но предусмотренная в завещании оговорка не допускала никаких своеволий.

Госпожа Фербер, прочитав доставленную ей копию завещания и уронив на нее несколько горьких слезинок, молча положила ее на письменный стол мужа

и снова с рвением принялась за свое вышивание. Фербер, несмотря на все старания и хлопоты, не мог получить никакого места и принужден был зарабатывать на кусок хлеба для семьи дурно оплачиваемыми переводами и перепиской бумаг и нот. Жена помогала ему рукоделием.

Какими бы мрачными ни были тучи, сгустившиеся над этой семьей, все же на небе засверкала звездочка, казавшаяся обещанием и залогом благословения, заменяющего все земные блага. Фербер ощутил на себе ее благотворное влияние, когда впервые приблизился к колыбели своей дочурки и бросил любящий взгляд на ее нежное личико с прекрасными глазами, казалось, уже улыбавшимися ему.

Прошло несколько лет. Подруги, держа у купели девочку, спорили, кто из них больше любит крестницу, клялись не забывать этого дня, но когда дела Фербера стали совсем плохи, об этих обещаниях они уже не вспоминали.

Этот печальный опыт, приобретенный Елизаветой на девятом году жизни, нисколько не беспокоил ее. Добрая фея наделила ее веселым, ровным характером и большой силой воли.

Фербер сам учил свою дочь. Она никогда не ходила ни в школу, ни в колледж. Умственные способности Елизаветы быстро развивались под руководством даровитых родителей. Науки она изучала очень серьезно и с горячим стремлением основательно знать все, чем бы она ни занималась. В музыке она упражнялась усердно и с любовью, с какой обыкновенно человек отдается тому предмету, в котором видит свое при-

звание. Вскоре она далеко превзошла свою учительницу — мать.

Несмотря на то что была еще ребенком, заметив мрачное облачко на лице отца, девочка тотчас же бросала свои игрушки, садилась к нему на колени и рассказывала ему чудные сказки собственного сочинения. Позднее она изгоняла демонов тоски из души отца замечательными мелодиями, зарождавшимися в ее душе и переливавшимися, как жемчуг. Прекрасная игра девушки в мансарде привлекла внимание других обитателей дома. Елизавете предложили давать частные уроки, а затем и преподавать в гимназии, благодаря чему она могла значительно облегчить усилия родителей в заботах о хлебе насущном.

Теперь мы можем снова продолжать начатый рассказ и последуем за девушкой, спешившей в бурный зимний вечер под родительский кров.

ГЛАВА 2

Преодолевая долгий путь по улицам, Елизавета испытывала такое же наслаждение, как и каждый раз, когда входила в свою уютную комнату. У письменного стола, освещенного небольшой лампой, ждал ее отец, с улыбкой отрывавший от бумаг бледное свое лицо при звуке шагов дочери. Он переключивал перо, неумоимо скользившее весь день по бумаге, в левую руку, а правой привлекал к себе дочь и целовал ее в лоб. Мать, сидевшая возле него с рабочей корзиной в ногах, приветствовала Елизавету нежной улыбкой и указывала на домашние туфли дочери, заботливо принесенные ею в теплую комнату. В горячей печной трубе пеклись яблоки, а в уютном уголке возле печки на деревянном столе шипел чайник. Синее пламя спиртовки освещало целый полк оловянных солдатиков, расставленных шестилетним Эрнстом, единственным братом Елизаветы.

Девушка должна была взобраться на четвертый этаж, чтобы попасть в узкий темный коридор, ведущий к квартире родителей. Здесь она, сняв шляпу, достала из-под пальто новую детскую шапку, надела ее и в таком виде вошла в комнату, где маленький Эрнст с криком радости бросился ей навстречу.

Сегодня темный уголок у печки был ярко освещен, а письменный стол оставался в темноте. Отец сидел на диване, обняв жену. На их лицах было какое-то не-

обычное выражение, глаза матери были заплаканы, но Елизавета сразу поняла, что это слезы радости. Она с изумлением остановилась в дверях: удивленное лицо и съехавшая набок шапка, вероятно, придавали ей очень комичный вид, так как родители от души расхохотались. Елизавета присоединилась к ним и надела шапку на темные локоны маленького брата.

— На, голубчик, — сказала она, нежно взяв в свои руки личико мальчика и целуя его, — это тебе. Мамочке я тоже кое-что принесла, — с радостной улыбкой продолжала Елизавета, вложив в руку матери четыре новеньких талера. — Сегодня я получила свое первое жалованье в гимназии.

— Ну что ты! — воскликнула мать, привлекая дочь к себе. — Прошлогодня шапка Эрнста еще вполне приличная, а вот тебе нужны теплые перчатки.

— Мне, мама? Пощупай мои руки, я только что с улицы, а они такие теплые, как будто грелись у печки. Нет, это было бы излишней роскошью. Наш мальчик так вырос с прошлого года, а его шапка осталась того же размера, и потому эта трата в данный момент была самой необходимой.

— Ах ты, милая, хорошая Эльза! — воскликнул восхищенный мальчуган. — Такой чудной шапочки нет даже у маленького барона с первого этажа. Я ее надену, когда пойду на охоту, правда, папа?

— На охоту? — рассмеялась Елизавета. — Уж не собираешься ли ты стрелять по несчастным воробьям в парке?

— Не угадала, Эльза! — возликовал мальчик и серьезно добавил: — В парке мне этого не позволили бы.

Нет, в лесу, в настоящем лесу, где оленей и зайцев не перечесть, так что когда захочешь застрелить одного из них, даже целиться не надо.

— Я очень хочу знать, как отнесся бы дядя к такому отношению к благородным животным, — с улыбкой проговорил отец и, взяв со стола письмо, подал его Эльзе со словами: — Прочти, милое дитя. Это от «лесного дяди», как ты его называешь, из Тюрингии.

Елизавета пробежала глазами по первым строкам, затем стала читать вслух:

«...Князь, которому, по-видимому, кислая капуста с ветчиной кажется более вкусной, чем паштеты, изготовляемые поваром-французом в его замке Л., провел третьего дня в моем доме много часов. Он был в очень хорошем настроении и сказал, что думает взять мне в помощники письмоводителя, так как видит, что на меня возложено слишком много. Тут я воспользовался случаем и рассказал ему о том, как жестоко трепала тебя судьба в последние годы и как, несмотря на все твои таланты и познания, приходится тебе держать зубы на полке. Старик сейчас же смекнул, к чему я веду, и сказал, что готов взять тебя письмоводителем, потому что... Тут он наговорил мне разных разностей, которые тебе совершенно незачем знать, но которыми я, старый дед, так же обрадовался, как на экзаменах в школе, когда наш учитель сказал мне: «Молодец, Карл, ты хорошо сделал свое дело». Ну-с, его светлость поручил написать тебе об этом и отдал соответствующие распоряжения. Содержание — 350 талеров и его дрова. Подумай — это неплохое предложение! А зеленый лес, по-моему, во

сто крат лучше, чем ваша распроклятая каморка на чердаке, где вечно мяукают кошки и дым из целого леса труб постоянно ест глаза.

Только не воображай, пожалуйста, что я из тех подлиз, которые пользуются расположением хозяев, чтобы пристроить своих родственников на теплое местечко. Знай, что, если бы ты был не тем, что ты есть, т. е. если бы не знал прекрасно своего дела, я скорее откусил бы себе язык, чем стал просить за тебя. Но, вместе с тем, я точно так же стал бы ходатайствовать за всякого совершенно постороннего человека, обладающего такими же знаниями, как ты. Не сердись, но ты знаешь, что я враг всего недосказанного и невыясненного.

Однако тут возникает загвоздка, которую следует обсудить. Собственно говоря, ты должен был бы жить у меня. Это оказалось бы вполне возможным, если бы ты был холостяком, которому нужны только четыре стены и крыша над головой для собственной персоны и ящик в комод для воротничков и прочей дребедени. Однако для целой семьи не найдется места в моей старой берлоге, давно уже нуждающейся в основательном ремонте, хотя высшие мира сего и не подумают об этом, пока она не развалится. Ближайшая деревня находится в получасе, а город — в часе ходьбы от лесничества. Это совершенно не подходит, так как ты не сможешь бегать в такую даль по скверной погоде, которая часто бывает у нас.

В связи с этим моей старой домоправительнице Сабине, родившейся в соседней деревне, пришла в голову весьма нелепая мысль. Старый замок Гнадек,

«блестящее» наследие покойного фон Гнадевица, находится близко от нас. Сабина, еще будучи девицей, что, кстати сказать, было более четверти века назад, служила горничной у Гнадевица. В то время новый замок еще не был достроен и в нем не хватало места для множества гостей, приезжавших каждый год на большую охоту. Тогда немного приводилось в порядок так называемое «среднее здание» замка Гнадека, вероятно, какая-нибудь постройка, соединяющая два крыла главной части замка. Сабине приходилось стелить постели и проветривать эти комнаты, причем у нее всегда в тот момент уходила душа в пятки от страха. Ну да это на нее похоже, потому что в ее голове целый ворох всяких страшных сказок о ведьмах и нечистой силе, хотя в остальном Сабина очень порядочная женщина и ведет мое хозяйство и содержит дом в образцовой чистоте. Она уверяет, что это среднее здание еще не могло полностью разрушиться, потому что в то время было в довольно хорошем состоянии. Возможно, удастся устроить там сносное пристанище для тебя и твоей семьи. Но, может быть, твоим детям будет страшно жить в этих дряхлых стенах?

Ты знаешь, как я злился, узнав о завещании «блаженной» памяти господина фон Гнадевица, а потому никак не мог заставить себя пойти хотя бы взглянуть на эту развалюху. Однако после уверений Сабины один из моих лесников вчера влез-таки на дерево, чтобы заглянуть в это свиное логово. Он сказал, что там черт ногу сломит — сильно все заросло. Тогда я сегодня утром отправился в городской суд. Однако там без доверенности твоей жены ключей не выдали

и вообще вели себя так, будто в этой старой развалине хранятся невесть какие сокровища. Никто из тех, кто в свое время опечатал замок, не мог сказать мне, что делается в доме, потому что все они предусмотрительно туда не входили из боязни, что какой-нибудь потолок пожелает обрушиться на их мудрые головы, и ограничились тем, что налепили на ворота дюжину печатей с ладонь величиной. Я очень хотел бы осмотреть все это вместе с тобой, а потому решайся скорее, забирай своих и собирайся в путь...»

Тут Елизавета опустила письмо и, затаив дыхание, устремила горящий взор на отца.

— Ну, что же ты решил, дорогой отец? — задыхаясь, спросила она.

— Мне довольно тяжело сообщать тебе свое решение, — серьезно проговорил он, — потому что я ясно вижу по твоему лицу, что ты ни за что на свете не согласишься променять прекрасный шумный Б. на лесное уединение. Но, вопреки этому, ты должна узнать, что вон там, на столе, лежит, уже в конверте и запечатанное, мое прошение князю Л... Однако мы готовы принять во внимание и твое желание, а поэтому согласны оставить тебя здесь, если ты...

— Если Елизавета не поедет, так и я лучше останусь здесь, — перебил его маленький Эрнст, боязливо прижимаясь к сестре.

— Успокойся, голубчик, — со смехом проговорила Елизавета, — уж мне, наверное, хватит места в экипаже, а если нет, то ведь ты знаешь, что я отважна, как солдат, и бегаю так быстро, как заяц. Компасом мне послужит моя любовь к зеленому лесу, уже с детства

занимающая немалый уголок в моем сердце. Таким образом, я мужественно отправлюсь в путь на своих двоих. Ну, что вы сделаете, когда в один прекрасный вечер бедный усталый путник в истоптанных башмаках и с пустыми карманами постучит в старые ворота замка и попросит приюта?

— Конечно, нам придется впустить его, вернее ее, — с улыбкой ответил отец, — если мы не захотим навлечь на свой ветхий дом месть всех добрых духов, оберегающих отважные сердца... Впрочем, тебе, вероятно, придется пройти мимо старого замка и остановиться у некой одинокой избышки в лесу, если ты захочешь найти нас, потому что вряд ли нам удастся устроиться в этих развалинах.

— Этого я тоже побаиваюсь, — заметила мать. — Мы с громадным трудом проберемся сквозь эти заросли, как некогда несчастные женихи Спящей Красавицы, а найдем там...

— Да это поэзия! — воскликнула Елизавета. — Ах, мы в некотором роде лишимся очарования жизни в лесу, если не сможем поселиться в старом замке! В какой-нибудь башне, наверное, найдутся четыре стены покрепче и хорошо сохранившаяся крыша, а остальное, поразмыслив хорошенько, можно всегда устроить. Мы заткнем щели мхом, заколотим досками ненужные двери и сами оклеим стены обоями. Растрескавшийся пол мы застелим собственноручно сплетенными из соломы матами, объявим войну лакомкам в сереньких шубках, которые вздумают сделать набег на нашу кладовую, и, вооруженные метлами, смело ринемся на огромных пауков, висящих над нашими головами.

Погрузившись в мечты о предстоящей жизни в лесу, Елизавета с горящими глазами подошла к роялю и открыла крышку. Это был старый инструмент, издававший хриплые звуки, но «Весенняя песнь» Мендельсона с чарующей нежностью полилась из-под пальцев девушки.

Родители молча сидели на диване, слушая музыку с почти религиозным восторгом. Маленький Эрнст уснул. Буря улеглась, но в окнах было видно, как на землю падают большие хлопья снега. Трубы соседних домов, из которых больше уже не клубился дым, медленно надевали белый ночной колпак и мрачно смотрели в окна маленькой комнатки, где посреди зимней вьюги ликовала весна.

ГЛАВА 3

Троица! Слово, которое будет пленять человеческие души, пока будет цвести хоть одно дерево, раздаваться песня хоть одного жаворонка и сиять безоблачное голубое небо. Даже под кирасой эгоизма, даже под снегом старости, даже в безразличном усталом сердце, отягощенном заботами и горестями, это слово еще находит отклик.

Троица на дворе! В горах Тюрингена веет теплый ветерок, сдувает с их вершин остатки снега. Там, где еще несколько недель назад гневно бурлили весенние потоки, уже зеленеют яркие ковры мхов, которые бережно закрывают наболевшие за зиму раны дряхлых гор, иссеченных серебристыми нитями веселых ручейков.

По проезжей дороге, вьющейся в живописной долине среди тюрингенского леса, мчалась нагруженная почтовая карета, в ней семья Фербера направлялась в свое новое жилище. Еще не рассвело; звон с какой-то маленькой колокольни возвестил, что всего лишь три часа. Елизавета высунулась из душного экипажа и жадно вдыхала свежий лесной воздух, который, как она утверждала, моментально очищал глаза и легкие от городской пыли. Задумчивый Фербер-отец сидел напротив дочери. Он наслаждался красотой местности, но еще больше его трогали сияющие глаза девушки, которая удивительно глубоко чувствовала чарующую

прелесть природы и была бесконечно благодарна за наступившую перемену обстоятельств.

С каким рвением работали ее прилежные руки, когда, наконец, они получили долгожданные бумаги о назначении Фербера! Елизавета взяла на себя все хлопоты по переезду.

Князь выделил приличную сумму своему новому служащему на дорогу, да и дядя оказал посильную помощь, однако, несмотря на то что семейство на всем сэкономило, этого все равно не хватало, поэтому Елизавета брала заказы в бельевом магазине и проводила за шитьем те немногие свободные ночные часы, которые предназначались для отдыха. Мирно спавшие родители даже не подозревали об этом.

Эта неустанная деятельность была омрачена лишь одним обстоятельством, стоившим Елизавете немало горьких слез. Причиной их было то, что пришли два работника и взвалили на плечи ее любимый рояль, чтобы отнести его новому владельцу. Рояль пришлось продать за несколько талеров, поскольку ввиду преклонного возраста он не выдержал бы далекой дороги. А ведь он всегда был верным другом их семьи! Его слабый дрожащий звук был так же мил сердцу молодой хозяйки, как голос матери, а теперь по его почтенным клавишам, быть может, будут колотить какие-нибудь шаловливые детские ручки и замучают старый инструмент, и он заглохнет навеки.

Путешественники в течение получаса ехали по ровной проезжей дороге, затем свернули на проселочную, рассекающую густой лес. Солнце сияло во всей красе и весело смотрело на землю. Прошлой ночью около

полуночи над этой местностью пронеслась гроза с проливным дождем, и крупные капли еще висели на листьях деревьев и с шумом падали на крышу экипажа, когда возница задевал кнутом свесившуюся ветку.

Вскоре лес стал редеть, и через некоторое время пассажиры увидели домик лесника, стоявший на большом зеленом лугу. Возница затрубил в рог, в ответ на это раздался лай собак и большая стая испуганных голубей с шумом поднялась с крыши.

В дверях дома показался человек в форме лесничего. Это был богатырь с громадной бородой. Мужчина внимательно всматривался в экипаж, а затем с радостным возгласом сбежал с крыльца, распахнул дверцы подъехавшей кареты и прижал выскочившего Фербера к своей груди. Братья несколько мгновений простояли обнявшись, затем лесничий, отстранившись, положил руки брату на плечи и окинул всю его тщедушную фигуру внимательным взглядом.

— Бедный Адольф! — наконец проговорил он, причем его низкий голос слегка дрогнул. — Во что превратила тебя жизнь! Ну, подожди, ты быстро поправишься, тут у меня будешь как рыба в воде — еще время не ушло... — Стараясь совладать с волнением, лесничий принялся высаживать из экипажа свою невестку и маленького Эрнста, которого осыпал ласками. — Вы спозаранок двинулись в путь, надо признать, не каждому это под силу!

— Какое у тебя мнение о нас, дядя! — отозвалась из экипажа Елизавета. — Мы вовсе не сони и прекрасно знаем, как ласково солнышко, когда оно шлет земле свой утренний привет.

— Вот тебе на! — изумленно воскликнул дядя. — Что это там вздумало рассуждать в углу? Ну-ка, вылезай, маленький мышонок!

— Я — маленькая? Ну, дядюшка, ты очень удивишься, когда увидишь, какая я большая девица. — С этими словами Елизавета выскочила из экипажа и, став на цыпочки около него, вытянулась во весь рост. Хоть она была выше среднего роста, создалось впечатление, будто изящная трясогузка вздумала тягаться с величественным орлом. — Видишь, — добавила Елизавета, слегка сбавив тон, — я почти достаю до твоего плеча, а этого для порядочной девушки более чем достаточно.

Дядя, широко улыбаясь, несколько мгновений лукаво смотрел на нее сбоку, а затем взял ее, как перышко, на руки и под дружный смех остальных понес в дом, где закричал громовым голосом:

— Сабина, иди, я покажу тебе, каковы в Б. маленькие птички!

В сенях он осторожно, словно хрупкую игрушку, поставил перепуганную девушку на пол, нежно взял ее голову своими громадными руками, несколько раз поцеловал ее в лоб и воскликнул:

— И этакий лилипут, этакий эльф воображает себя такой же большой, как ее дядя! Маленькая волшебница, кому как не тебе знать, каково солнце, когда у тебя вся голова облита солнечными лучами.

Из-за того, что дядя умчал молодую племянницу быстрой рысью, шляпа слетела с ее головы, открыв необычайно густые белокурые волосы, золотистый оттенок которых резко контрастировал с совершенно черными бровями и ресницами.

Между тем из боковой двери вышла старушка, а наверху, на площадке лестницы, показалось несколько мужских лиц, но они исчезли тотчас, как только лесничий взглянул наверх.

— Нечего прятаться, я все равно уже видел вас! — со смехом воскликнул он и пояснил, обращаясь к брату: — Это мои молодцы, они любопытны, как воробьи. Но сегодня, положим, их нельзя упрекать за это! — с улыбкой заметил он, искоса посматривая на свою племянницу, которая скалывала распустившиеся косы. Затем, взяв за руку старушку, лесничий с комической торжественностью представил ее:

— Девица Сабина Гольцин — министр внутренних дел нашего дома, начальник полиции для всего живущего во дворе и в конюшне лесничества и неограниченная правительница кухонного департамента. Когда она приносит на стол обед, вы смело можете откликаться на ее зов. Но когда она, чего доброго, начнет вам выкладывать свои рассказы о нечистой силе, бегите от нее что есть мочи, так как им не будет конца. Ну а теперь, — обратился он к смеющейся старухе, которая была чрезвычайно некрасива, но располагала к себе открытым взглядом, улыбчивостью и безукоризненной чистотой наряда, — неси скорее сюда все, что у тебя есть! Ведь ты же испекла пирог, чтобы гостям было с чем-нибудь свежим выпить кофе?

С этими словами он указал на кухню и открыл дверь в просторную, светлую угловую комнату. Все вошли в нее, только Елизавета не могла удержаться, чтобы еще раз не выглянуть в дверь, ведущую во двор.

Сквозь белый забор, ограждавший со всех сторон территорию, населенную разной птицей, виднелись пестрые цветочные клумбы, а несколько яблонь, стоявших уже в полном цвету, простирали далеко во двор свои развесистые ветви. Большой сад поднимался в виде террасы по склону горы и, заканчиваясь группой старых буков, примыкал к лесу.

В то время как Елизавета, замечтавшись, стояла на пороге дома, одна из дверей открылась и из нее вышла девушка необыкновенной красоты. Она была маленького роста, зато ее громадные глаза сияли, как звезды, на прелестном личике. Черные волосы были с видимым кокетством зачесаны наверх; несколько завитков ниспадало на белый лоб классической формы. Наряд говорил о том, что ему уделяли большое внимание, а из-под красиво подобранных складок юбки виднелись две изящные ножки, которым, конечно, незачем было прятаться.

Девушка держала в руках корзину и, зачерпывая из нее пригоршней зерно, бросала его на землю. Во дворе тотчас же поднялся шум и гам, с крыши слетели голуби, куры с кудахтаньем оставили свои насесты, а дворовая собака также сочла своей обязанностью принять участие в общем переполохе и залаяла. Елизавета была изумлена. Да, у дяди была жена, но у них никогда не было детей. Кто же эта девушка, о которой он никогда не упоминал даже в своих письмах?

Елизавета спустилась со ступенек и подошла ближе к незнакомке.

— Вы тоже здесь живете? — приветливо спросила она.

Черные глаза уставились на Елизавету, и в них появилось выражение чрезвычайного удивления, но тотчас губы сложились в высокомерную гримасу и плотно сжались. Незнакомка опустила веки и молча продолжала бросать зерно, как будто никого не было около нее.

В эту минуту Сабина, неся в руках поднос с кофейными чашками, проходила мимо двери и поманила к себе пораженную Елизавету. Когда девушка подошла к старухе, та взяла ее за руку и завела в дом, проговорив:

— Идите сюда, деточка, вам тут нечего делать.

В столовой все уже расселись так непринужденно, как будто собирались здесь изо дня в день. Мать разместилась в удобном кресле, кем-то заботливо пододвинутом к окну, из которого открывался прекрасный вид на лес. Большая кошка устроилась у нее на коленях, с видимым удовольствием позволяя себя гладить. Для Эрнста все стены столовой являлись сокровищницей различных интересных предметов. Он взбирался то на один стул, то на другой и в эту минуту стоял в безмолвном восторге перед большим стеклянным ящиком, заключавшим в себе прекрасную коллекцию бабочек... Братья Ферберы сидели на диване, беседуя о будущем местожительстве вновь прибывших. Елизавета услышала, как дядя сказал:

— Если на горе вам нельзя будет устроиться, вы пока разместитесь наверху, в моей комнате. Я перенесу свой письменный стол и другие пожитки вниз и буду обивать пороги в городе, пока мне не надстроят над флигелем второй этаж.

Елизавета сняла дорожный плащ и стала помогать Сабине накрывать на стол. Радостное настроение было омрачено несколько мгновений назад: к ней еще никто и никогда не относился так недружелюбно, как черноглазая девушка во дворе. Она так удивилась и обрадовалась, встретив здесь девушку своих лет, что отпор, данный ей, причинил сильную боль. Однако красота незнакомки возбудила в ней живейший интерес.

Задумчивое выражение лица Елизаветы тотчас обратило на себя внимание матери, она подозвала к себе дочь, и та начала рассказывать, как встретила во дворе девушку. При первых же словах племянницы лесничий обернулся к ней, и его лицо помрачнело.

— Так ты уже видела ее? — заговорил он. — В таком случае расскажу вам, кто она. Я взял ее к себе в дом несколько лет тому назад в помощь Сабине. Зовут ее Берта. Это дальняя родственница моей жены, круглая сирота. Я хотел сделать доброе дело, а вместо этого надел себе петлю на шею. Уже с первых дней я заметил, что у нее в голове нет ни одной здоровой мысли, только нелепости и высокомерие. Мне хотелось отправить ее обратно туда, откуда она явилась, но за нее стала просить Сабина, хоть не имела для этого ни малейшего основания, так как девчонка доставляла ей много хлопот и на каждом шагу давала почувствовать, что она родственница хозяина. Я пытался заставить ее усерднее работать, чтобы изгнать из нее беса высокомерия, и дело как будто наладилось. Но по соседству, в Линдгофе (это бывшее владение Гнадевицев, которое наследники продали некоему господину фон

Вальде), с год тому назад поселилась баронесса Лессен. Сам владелец человек холостой, вроде бы археолог, почти все время путешествует и оставил свою единственную незамужнюю сестру на попечение этой баронессы. Не приведи Господь! С тех пор там все идет шиворот-навыворот. Баронесса мнит себя очень благочестивой, но из-за ханжества сделалась жестокой, черствой и бессердечной. Всех, кто при виде ее не опускает глаз к земле, а устремляет взгляд вверх, туда, где пребывает Господь, она злобно преследует, как собака дичь. Берта познакомилась с одной из горничных и стала проводить там все свободное время. Сначала я не обратил на это внимания, но тут она вздумала наставлять на путь истинный и нас. Выяснилось, что Сабина недостаточно набожна, потому что по десять раз на день не бросает своей работы, чтобы помолиться. Мне она тоже попыталась проповедовать, да только я в ответ запретил ей бывать в Линдгофе. Это, конечно, мало помогло — племянница пользуется каждым удобным моментом, чтобы потихоньку сбежать туда. О какой-нибудь благодарности за то, что я о ней забочусь, речь не идет. Между мной и ею нет ничего общего, а потому вдвойне тяжело опекать ее. Бог знает, что за нелепая мысль пришла ей в голову, но вот уже два месяца она будто онемела, не произносит ни звука. Ни строгость, ни убеждения — ничто не помогает. Берта по-прежнему исполняет свои обязанности, ест и пьет, как и всякий здоровый человек, и ни на йоту не стала менее тщеславной, чем прежде. Ввиду того, что она немного побледнела, я обратился за советом к врачу. Он за-

ключил, что физически девушка здорова, но очень экзальтирована, и, так как в ее семье было несколько случаев умопомешательства, лучше оставить все как есть. Со временем ей самой надоест молчать, и она начнет болтать как сорока. Ну, милая златокудрая головка, — обратился лесничий к Елизавете, проведя рукой по ее лбу, как бы желая отогнать мрачные мысли, — придвинь-ка кресло своей мамы сюда, повяжи салфетку этому молодцу, и будем завтракать. Потом немного отдохнете после утомительного пути. А после обеда мы отправимся наверх, в Гнадек. Будет неплохо, если ваши глаза сначала подкрепятся сном, а то, пожалуй, они не перенесут блеска того, что нам предстоит там увидеть.

После завтрака, пока отец и мать дремали, а маленький Эрнст видел во сне все чудеса, встреченные им в домике лесничего, Елизавета раскладывала вещи. Она не могла уснуть, беспрестанно подходила к окну и смотрела на покрытую лесом гору, склон которой начинался недалеко от дома дяди. Там, наверху, среди деревьев виднелся на фоне яркого голубого неба черный шпиль. Это был, как сказала ей Сабина, возвышавшийся на крыше замка Гнадек железный шпиль, на котором в былые времена гордо развевался флаг Гнадевицев. Найдется ли там, за деревьями, так горячо желанный приют, где ее родители смогут обрести покой после многолетних утомительных скитаний?

Взгляд Елизаветы временами скользил и по двору, но безмолвная девушка больше не показывалась. Она не появилась и за обедом, похоже, решив избегать всякого общения с гостями. Елизавете было очень

жаль Берту, хотя рассказ дяди произвел на нее неприятное впечатление. Но молодость не так легко отказывается от своих иллюзий и предпочитает разочаровываться, видя, что они лопаются, как мыльные пузыри, а не принимать к сведению слова старших.

«Немая» девушка все больше и больше интересовала Елизавету, и она терялась в догадках относительно причин ее загадочного молчания.

Літературно-художнє видання

Серія «Великі романістки XIX століття»

МАРЛІТТ Євгенія
Золотокоса Ельза
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *Т. О. Небесна*
Художній редактор *А. О. Попова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *В. В. Бутенко*

Підписано до друку 21.12.2018.
Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Minion». Ум. друк. арк. 15,96.
Наклад 8000 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000. 61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано з готових діапозитивів на ПП «ЮНІСОФТ»
Свідоцтво ДК №3461 від 14.04.2009 р. www.unisoft.ua
61036, м. Харків, вул. Морозова, 13Б

UNISOFT

Литературно-художественное издание

Серия «Великие романистки XIX века»

МАРЛИТТ Евгения
Златокудрая Эльза

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Т. А. Небесная*
Художественный редактор *А. О. Попова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *В. В. Бутенко*

Подписано в печать 21.12.2018.
Формат 84х108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Minion». Усл. печ. л. 15,96.
Тираж 8000 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000. 61140, Харьков-140, просп. Гагарина, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано с готовых диапозитивов на ЧП «ЮНИСОФТ»
Свидетельство ДК №3461 от 14.04.2009 г. www.unisoft.ua
61036, г. Харьков, ул. Морозова, 13Б

UNISOFT

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Небога лісника Ельза стала доброю подругою власниці маєтку Єлени і предметом щирого кохання її брата Рудольфа. Але він не може одружитися з простолюдинкою. А родовитий ловелас Гольфельд, навпаки, прагне за всяку ціну заволодіти Ельзою, хоча вона не може похвалитися ні знатним походженням, ні багатим спадком. Чи в минулому її сім'ї є таємниця, дорожка за золото? Дівчина мусить розгадати її. Тільки тоді вона знайде свою любов...

Марлітт Е.

М28 Златокудрая Эльза : роман / Евгения Марлитт. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 304 с. — (Серия «Великие романистки XIX века», ISBN 978-617-12-6123-5)

ISBN 978-617-12-6060-3

Племянница лесника Эльза стала доброй подругой хозяйки поместья Елены и предметом искреннего обожания ее брата Рудольфа. Но он не может позволить себе жениться на простолюдинке. А родовитый ловелас Гольфельд, напротив, стремится любой ценой завладеть Эльзой, хотя она не может похвалиться ни знатным происхождением, ни богатым наследством. Или в прошлом ее семьи есть тайна, которая дороже золота? Девушка должна разгадать ее. Только тогда она найдет свою любовь...

УДК 821.112.2